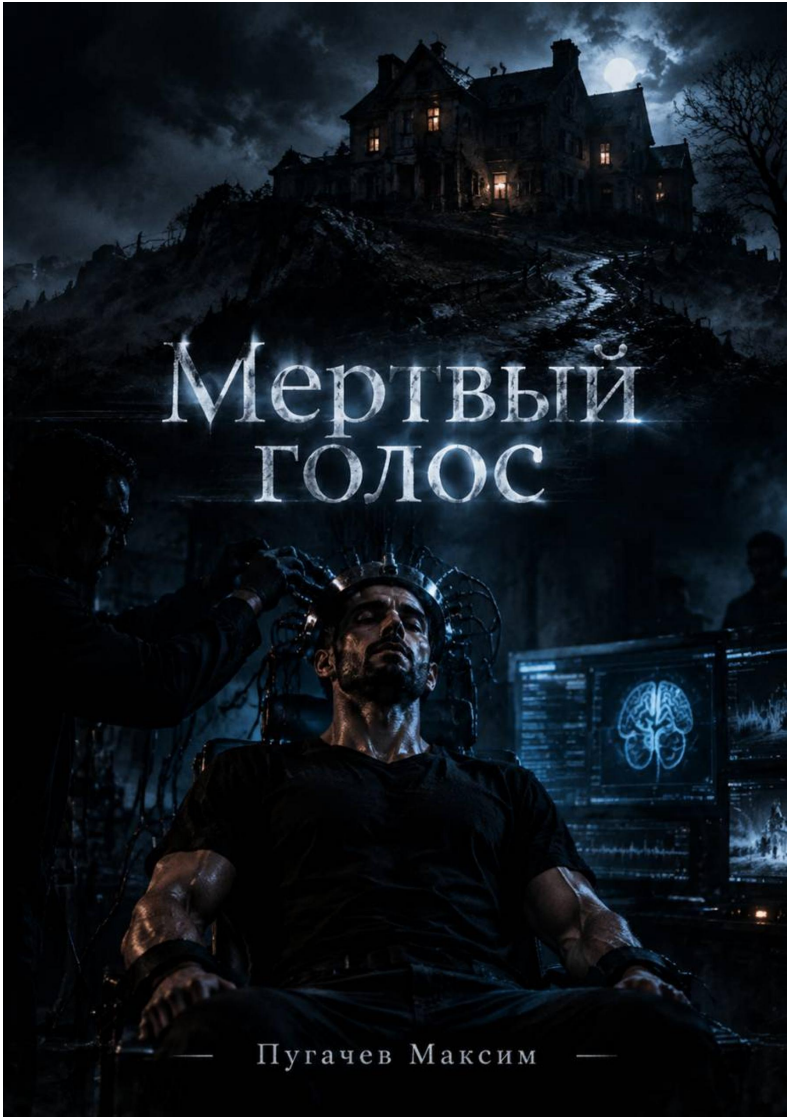

Мертвый голос
Пугачев Максим

Максим Пугачев
Мертвый голос

https://litres.ru/74693909
SelfPub; 2026

Аннотация

Сильва не помнит, как оказался в тюрьме. Не помнит, что совершил. Ради этого он и подписал контракт на эксперимент: стереть прошлое, стать чистым листом, начать заново.

Но в клинике не сказали главного. Забыть — не значит выжить.

Очнувшись в комнате без окон, он слышит механический голос из старого проигрывателя: четыре комнаты, четыре человека, один победитель. На то, чтобы выйти из комнаты, у него 24 часа. Если он останется — система вентиляции заполнит комнату смертельным газом.

Сильва не помнит своего прошлого, но его тело помнит, как выживать. И теперь он должен пройти игру, не зная главного: настоящий приз — это не свобода. Настоящий приз — это он сам.

Содержание

Пролог: Архитектурные забвения. 5
Глава 1: «Вы решили к нам прийти?» 14
Глава 2: Сектор "Тюрьма" 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Максим Пугачев
Мертвый голос

Пролог: Архитектурные забвения.

Тюрьма меняет всех по-своему. Одни становятся человечнее — обретают спасение в молитве и смирении перед бетонными стенами. Другие обретают веру иного рода, продавая остатки души за призрачную надежду на досрочное освобождение. А третьи... третьи остаются прежними. Для них тюрьма — не исправительное учреждение, а полигон, где оттачиваются инстинкты, словно волк точит клыки о прутья вольера.

Сильва не помнил, как здесь оказался. Его прошлая жизнь не просто осталась за колючей проволокой — она испарилась, стертая неведомым ластиком, оставив после себя лишь грубые, воспаленные рубцы. Иногда, в самые темные часы, когда сон отказывался приходить, он чувствовал фантомную боль там, где должны были быть воспоминания. Боль от пули, прошедшей навылет. Боль от потери. Боль от предательства. Но самих событий не было — только пустота, затянутая уродливыми шрамами амнезии.

Это была не простая тюрьма. Это был эксперимент. Добровольный — так гласили сухие строчки документов, которые он подписал, не помня своего имени. Сначала ты попадаешь сюда, в общую массу, в серую рутину. Потом тебе стирают память, превращая в чистый, испуганный лист. А потом начинается главное.

Сильва оказался не в камере, а в доме. В старом, гниющем изнутри особняке, ставшем его персональным склепом.

Чтобы выйти, нужно было пройти испытания. Так говорили люди. Не охрана, не надзиратели — у этого места не было видимой администрации. Слухи просачивались сквозь вентиляцию, передавались шепотом в редких точках пересечения маршрутов. Четыре игрока. Один дом. Один победитель. Правила, рожденные отчаянием и паранойей в умах таких же запертых.

Сильва понимал природу этих слухов. В замкнутой системе, где единственный источник информации — страх, мифология разрастается быстрее грибка на сырых стенах. Но он понимал и другое: в мире, лишенном всего, победа слаще любой морали. А мораль этой басни, которую он придумал для себя, была проста и кровава — по прохождению ты получаешь всё. Богатство, свободу, новую личность, забвение старых грехов. Джекпот. И Сильва собирался сорвать этот банк.

Он не был простым парнем. Средние, но рельефные мускулы, высеченные из камня не волей, а необходимостью. Тело атлета, привыкшее к перегрузкам. Черные волосы, коротко стриженная борода, скрывающая тяжелый, волевой подбородок. А глаза... в них не было безумия, свойственного многим здесь. В них был холодный, математический расчет. В тюрьме приходилось выживать каждую секунду, даже когда казалось, что ты просто сидишь на нарах. Он не тратил времени на пустые разговоры. Отжимания до отказа мышц. Приседания, пока легкие не начинали гореть. Удары в воз-

дух, оттачивая углы и траектории. Потому что знал: когда начнется игра, второго шанса на разминку не будет.

К Сильве каждый день приходили проблемы. Словно невидимые кукловоды, наблюдающие через скрытые камеры, хотели вычеркнуть его из уравнения еще до начала основного. Его пытались спровоцировать. Подсылали то слюнявых идиотов, пытающихся доказать свое доминирование, то тихих, ядовитых змей, норовящих воткнуть заточку из зубной щетки под ребро во сне. Они чувствовали хищника, спрятавшегося под маской заключенного. Понимали: сильный противник рядом, и в игре на выбывание таких устраняют первыми.

Но он был силен. Хоть и не помнил прошлую жизнь, рефлексы помнили всё. Мышечная память — самая верная и самая жестокая любовница. Она не предаст, даже когда разум сдастся. Тело само знало, как бить — коротко, жестко, вкладывая вес. Как держать удар, гася инерцию встречным напряжением пресса. И как не отступать. Никогда.

Прошло некоторое время. Сколько — месяц? Три? Год? Линейное время в серой камере теряет смысл.

А потом пришла Ночь. Не тюремная ночь с ее дежурным освещением, а настоящая, абсолютная тьма. Сначала погас свет в камере. Затем лязгнул замок — не привычный, а другой, глухой, герметичный. В дверном проеме возникли силуэты. Не охранники: те двигались лениво, с чувством власти. Эти двигались как механизмы — быстро, синхронно,

без единого лишнего звука.

Яркий свет ударил по глазам, выжигая сетчатку. Мир сузился до слепящего пятна. А потом — мешок на голову. Грубая, воняющая плесенью и дешевым стиральным порошком ткань лишила зрения, погрузив в мир осязания и слуха. Его вели долго. Сначала по гулким бетонным коридорам, потом, кажется, везли в машине. Сильва считал повороты и кочки, запоминал запахи — озон после дождя, выхлопные газы, прелая листва.

Когда мешок сняли, он оказался в мрачном доме.

Стены здесь не просто давили — они сгущали пелену реальности, превращая воздух в густой, непроходимый кисель. Пахло сыростью, вековой пылью и сладковатым, тошнотворным запахом черной плесени, проевшей обои до самой штукатурки. Одна комната. Один человек. Никаких окон. Только тяжелая, обитая металлом дверь и тусклая лампа под потолком, бросающая уродливые тени.

Напротив, на старом рассохшемся комоде, висела прядь. Не человеческая — сотканная из многочисленных волокон, то ли стекловолокна, то ли тонкой блестящей проволоки. Она казалась живой, слегка подрагивая в неподвижном воздухе. А на конце этого жуткого украшения стоял проигрыватель годов девяностых. Массивный, черный, с потертостями на крышке. Из той эпохи, когда музыка еще имела вес. И катушка с магнитной лентой уже была вставлена.

Сильва подошел. Его шаги не издавали звука, словно

невидимый ковер поглощал шум. Он протянул руку. Пальцы, покрытые мозолями, легли на шершавую кнопку воспроизведения.

Щелчок. Легкое шипение, предшествующее звуку, показалось громче выстрела.

Голос из динамиков не был человеческим. Лишенный эмоций, прошедший через вокодер или просто записанный на умирающую пленку. Монотонный, мертвый синтез.

— Четыре комнаты. Четыре человека. Но победитель лишь один.

Сильва сжал кулаки. Значит, слухи были правдой. Он не один. Где-то в этом же гниющем лабиринте есть еще трое. Союзники? Еда? Препятствия? Он пока не знал.

— В этом доме нет выхода, и нет входа, — продолжал мертвый голос. — То, через что вы пришли, больше не существует. Но на каждом пути вас ждут испытания. Будьте готовы. А если решитесь остаться... если решите, что игра слишком сложна... то через двадцать четыре часа вы заживо сгорите в собственной комнате. Система вентиляции заполнит её фосгеном. Приятного отдыха. Отсчет пошел.

Щелчок. Тишина.

Но тишина продлилась секунду. Прямо над дверью, там, где раньше была лишь облупившаяся штукатурка, с сухим треском пластика материализовался циферблат. Красные светодиодные цифры вспыхнули, ослепляя после полумрака.

23:59:58

Таймер запустился мгновенно. Время начало таять, словно лед под напалмом. Секунды падали в бездну, и каждая была безвозвратна.

Сильва смотрел на цифры. Двадцать четыре часа. Это много и одновременно — ничто. Его взгляд метнулся к двери. Старая, деревянная, покрытая слоем серой потрескавшейся краски. Она выглядела так, словно вела в подвал, где вешали бродячих собак. Ручка отсутствовала. Лишь массивный врезной замок и небольшое углубление, похожее на замочную скважину, но слишком широкое.

Это всё ему что-то напомнило. Одну книгу. Дешевый, потрепанный детектив в мягкой обложке, прочтенный когда-то давно. В той книге был похожий дом. Там тоже был проигрыватель. И там тоже звучал механический голос, отмеряющий время до мучительной смерти. На обложке того романа красовалась жуткая кукла на велосипеде и название, которое стерлось из памяти вместе со всем остальным. Но Сильва помнил, что герои той книги гибли один за другим от изощренных ловушек.

Здесь же время — целые сутки. Целая вечность, чтобы решиться выйти из комнаты.

Но что там, за этой серой, потрескавшейся дверью?

Это был уже другой вопрос. Вопрос, от которого желудок сводило ледяной судорогой. Психика давила на всех в этом доме. Даже если другие трое еще не включили свои проигрыватели, они чувствовали это. Изменение давления. Изме-

нение состава воздуха. Запах озона и смерти.

Где-то в темноте, за стенкой, раздался глухой удар. Кто-то, не выдержав напряжения, ударил в свою дверь. Потом еще один. И еще.

А затем произошло то, что заставило Сильву вздрогнуть, несмотря на всю его подготовку.

Замок щелкнул.

Но не только на его двери. Звук был один. Резкий, металлический, вибрирующий. Но эхо разнеслось по всему дому, множась, отражаясь от невидимых стен.

Щёлк.

Синхронно.

Четыре замка. Четыре человека. Четыре решения, принятые в одну и ту же миллисекунду под давлением первобытного ужаса.

Двери со скрипом, от которого заныли зубы, отворились одновременно. Петли, не смазывавшиеся десятилетиями, издали звук, похожий на крик умирающего животного.

Сильва стоял на пороге. Он не видел коридора — там царила абсолютная, осязаемая тьма, в которой тонул луч его лампы. Но он чувствовал сквозняк. Холодный, пахнущий озоном и чем-то металлическим. Медью. Железом.

И тогда история каждого человека, запертого в этом доме, по-настоящему началась. С этого первого шага во тьму. С этого первого удара сердца, которое теперь работало в ритме обратного отсчета.

Где на карту была поставлена не просто их собственная жизнь. На карту было поставлено их прошлое, которое они забыли, и их будущее, которое им только предстояло вырвать зубами.

Сильва улыбнулся. В темноте его улыбка выглядела осколом черепа.

— Ну что, сыграем? — прошептал он в пустоту и шагнул вперед, закрывая за собой дверь, навсегда отрезая путь к сомнению.

Глава 1: «Вы решили к нам прийти?»

Дверь захлопнулась за спиной с глухим, влажным звуком, словно крышка гроба. Сильва вздрогнул — не от звука, а от того, как этот звук отозвался в его груди, в самом центре, где последние месяцы поселилась тяжесть, которую он не мог ни пропить, ни проспать, ни выкурить.

Коридор тянулся вперёд, длинный и стерильный, залитый мертвенным светом люминесцентных ламп. Стены были выкрашены в цвет старой кости, и от них веяло холодом, который пробирался под кожу, оседал в суставах. Где-то в глубине здания гудел трансформатор — низко, монотонно, как огромный механический зверь, который дышит во сне и ждёт своего часа. Сильва шёл, и его шаги отдавались эхом, но эхо было неправильным — оно приходило с опозданием, будто коридор был длиннее, чем казался, будто пространство здесь растягивалось, как резина.

Пахло хлоркой. И ещё чем-то — сладковатым, металлическим, едва уловимым. Сильва знал этот запах. Он встречал его в Афгане, в полевых госпиталях, где врачи работали по колено в крови и грязи, где человеческое тело переставало быть телом и становилось просто набором повреждений. Но здесь этот запах был другим — чище, холоднее, словно его специально очистили от всего человеческого, оставив только суть. Запах страха, который уже никого не пугал.

Доктор шёл впереди. Белый халат — безупречно белый, без единого пятна, без единой складки. Он двигался плавно,

почти неестественно плавно, и Сильва поймал себя на мысли, что не слышит его шагов. Только свои. Только гул трансформатора. Только собственное дыхание, которое становилось всё громче, словно воздух в коридоре сгущался в сироп, который нужно было проталкивать в лёгкие усилием воли.

— Вы решили к нам прийти? — голос доктора прозвучал неожиданно, разрезав тишину, как скальпель. Он не обернулся, не замедлил шаг. Вопрос повис в воздухе, и Сильва почувствовал, как невидимая рука схватила сердце и сдавила.

— Да, — ответил он, и собственный голос показался ему чужим. Хриплым. Словно он не говорил уже несколько дней. Хотя говорил. Говорил с барменом, говорил с зеркалом в ванной, когда пытался убедить себя, что всё ещё есть причина не нажимать на курок. — Я хочу поучаствовать в вашем эксперименте. После всего, что натворил.

Слова вышли сухими, как песок. Сильва не смотрел на доктора, но чувствовал его взгляд — не глазами, а кожей, затылком, позвоночником. Этот взгляд был как рентген, который просвечивает насквозь и видит то, что ты сам предпочитаешь не замечать.

— А что вы сделали? — спросил доктор. В его голосе не было ни осуждения, ни любопытства. Только ровная, гладкая поверхность, под которой скрывалось что-то тёмное. Он остановился и обернулся. Его глаза горели. Не ярко, не агрессивно — тихо, ровно, как угли в догорающем костре.

От этого взгляда Сильве захотелось отступить, спрятаться за собственные руки.

Он сглотнул. Горло пересохло.

— Я... я хочу забыть, — выдавил он. — В вашем эксперименте сказано, что можно забыть. Стереть. Начать заново.

Доктор смотрел на него ещё несколько секунд — долгих, как годы. А потом улыбнулся. Улыбка была тонкой, едва заметной, но от неё по спине Сильвы пробежал холодок, острый, как лезвие.

— Верно, — сказал доктор. — Но поймите одно. От прошлого не убежишь. Вы можете от него отвернуться, закрыть глаза, выпить столько, чтобы память захлебнулась. Но оно никуда не денется. Оно будет ждать. Всегда. — Он сделал паузу, и в этой паузе Сильва услышал далёкий, едва уловимый скрип металла. — Вы лишь отсрочите неизбежное.

Сильва склонил голову. Он понимал. Он знал, что прошлое не отпускает. Оно живёт в шрамах, в ночных кошмарах, в запахе пороха. Но война была. Она всегда была. Она была в нём.

— Я готов, — произнёс он. — Я готов принять ту боль.

Доктор кивнул. В его глазах промелькнуло что-то — не жалость, нет. Удовлетворение. Предвкушение.

— Хорошо.

Белый халат вышел из комнаты — той самой, куда они пришли. Сильва даже не заметил, как они оказались внутри. Комната была большой, пустой, с высоким потолком и стена-

ми, обитыми мягким, серым, безликим материалом. В центре стояло кресло — массивное, с ремнями, с подголовником и шлемом, покрытым проводами и датчиками. Огоньки на шлеме пульсировали в такт чему-то невидимому.

Дверь открылась снова, и вошли двое. Амбалы. Сильва едва не усмехнулся — они были похожи на шкафы, на горы мышц. Но он знал, что сможет с ними справиться. Держа дистанцию. Он был морским котиком, прошедшим Афган, и читал этих людей, как открытую книгу. Он видел, как они двигаются, как дышат. Он знал их слабые места. Знал, куда бить.

Но он не стал.

Сильва обмяк, позволил плечам опуститься, рукам — повиснуть вдоль тела. Он не стал сопротивляться. Как в детстве, когда он поддавался соседской девочке с веснушками, которой он нравился. Тогда это было игрой. Тогда он не знал, что станет оружием. Очередным инструментом, который используют и выбрасывают.

Амбалы подошли. Один — слева, другой — справа. Их руки сомкнулись на его плечах. Ремни затянулись на запястьях, на груди, на ногах. Они были холодными и жёсткими, и от них пахло кожей и металлом.

Провожая взглядом доктора, стоявшего у двери, Сильва успел услышать только одно:

— Действуем по протоколу Н-10.

Слова прозвучали как приговор. Сильва не знал, что озна-

чает эта комбинация, но чувствовал — каждой клеткой — что идёт беда.

Один из амболов наклонился к нему. Его лицо было близко, и Сильва увидел в его глазах странное. Сочувствие? Страх?

— Потерпи, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Это недолго.

Сильва не ответил. Он смотрел на шлем, который приближался, на провода, тянущиеся как змеи, на огоньки, мигающие всё быстрее. Он знал, что будет больно. Знал, что не выйдет отсюда тем же человеком.

Шлем опустился на голову. Холодный металл коснулся кожи. Датчики прижались к вискам, к затылку. Что-то кольнуло — резко, остро.

И тут его голова забилась в конвульсиях.

Словно химиотерапия — та, которую делали его матери, когда он был ребёнком. Он помнил, как она лежала в палате, бледная, худая, с трубками в венах, и как её тело содрогалось от боли. Теперь он чувствовал то же самое. Только это было в нём.

Пена пошла со рта. Сильва задергался, тело выгнулось дугой, ремни впились в кожу. Он хотел закричать, но голос не шёл. Только хрип, только бульканье.

В голове вспыхнули образы. Афган. Песок. Кровь. Лица тех, кого он убил. Лица тех, кого не смог спасти. Жена, которая не выдержала. Дочь, которая смотрела на него, как на

чужого. Всё это промелькнуло перед глазами за долю секунды, а потом начало выцветать.

Он чувствовал, как невидимые пальцы копаются в его черепной коробке. Они вырывали куски. Выдирали с корнем. Сначала ушёл запах пороха. Потом — лицо жены. Потом — имя дочери. Он пытался ухватиться за них, удержать, но они рассыпались в прах, как сухие листья.

А потом...

Темнота.

Но темнота была не пустой. В ней что-то было. Что-то двигалось. Что-то дышало.

И в этой темноте он услышал голос — свой собственный, но искажённый, словно запись, которую прокрутили назад:

— Вы решили к нам прийти?

И ответ, которого он больше не помнил:

— Да.

Сильва отключился.

Доктор в белом халате стоял у двери и смотрел на неподвижное тело в кресле. Огоньки на шлеме погасли. Трансформатор за стеной затих. Тишина была полной, и в этой тишине доктор улыбнулся — на этот раз шире, чем прежде.

— Протокол завершён, — сказал он ассистентам. — Чистый лист.

Он подошёл к креслу, расстегнул ремни. Тело Сильвы было вялым, как тряпичная кукла.

— Отвезите его в сектор «Тюрьма», — приказал доктор. — Четвёртая комната. И включите отсчёт, до того, как он отправится в дом.

Двое ассистентов подхватили Сильву под руки и поволокли к выходу. Голова его безвольно болталась. В пустых глазах не было ничего — ни боли, ни страха, ни прошлого. Только первобытная, животная пустота. Сосуд, готовый к заполнению.

За окном, где-то далеко, за пределами здания, за пределами города, за пределами всего, что Сильва когда-то знал, что-то шевельнулось. Что-то, что ждало уже давно. Что-то, что теперь получило то, чего хотело.

И это «что-то» было голодным.

Глава 2: Сектор "Тюрьма"

Первое, что он почувствовал — холод. Не тот сырой холод подвала, а стерильный, больничный, проникающий под кожу. Второе — звон в ушах. Тонкий, монотонный, как комар над ухом.

Он открыл глаза.

Потолок был низким, бетонным, покрытым сеткой мелких трещин. Тусклая лампа под потолком мигала, издавая

едва слышный гул. Голова раскалывалась так, словно по ней били молотом. Во рту стоял привкус меди и озона, а в сознании зияла абсолютная, звенящая пустота.

Он попытался вспомнить свое имя. И не смог.

Он попытался вспомнить лицо матери. Пусто. Вспомнить, как выглядит его дом. Пусто. Вспомнить, что он делал вчера. Тоже пусто. В голове была не просто амнезия — там был выжженный участок, как после пожара.

Он сел на койке. Тонкий матрас скрипнул. Осмотрелся.

Камера. Металлическая дверь с узким окошком. Унитаз в углу. Параша. На стене, прямо напротив койки, кто-то нацарапал гвоздем или осколком камня кривую надпись: «Они лгут».

Он посмотрел на свои руки. Широкие ладони, покрытые мозолями и старыми шрамами. На костяшках — следы от ударов. Он сжал кулак. Мышцы напряглись, мышцы вспомнили, как это делается. Тело знало, что оно — оружие. Даже если разум забыл.

В коридоре раздались шаги. Тяжелые, синхронные. Металлический лязг, щелчок замка.

Дверь открылась. На пороге стояли двое охранников в серой форме. Один держал дубинку, второй — наручники.

— Встал, — сказал первый. Голос без эмоций.

Он встал. Не потому, что подчинился, а потому, что тело само приняло вертикальное положение. Охранники переглянулись. Тот, что с дубинкой, нервно сглотнул. Он явно знал

что-то, чего не знал сам заключенный.

— Руки.

Наручники защелкнулись на запястьях. Холодный металл. Его повели по длинному коридору. Вокруг была та же стерильная пустота: серые стены, люминесцентные лампы, кафельный пол. Никаких окон, никаких дверей, кроме тех, что вели в такие же камеры.

За одной из стен кто-то глухо бился. Раздавался сдавленный крик, а затем — тяжелый удар, и тишина.

— Долго он еще будет буянить? — спросил один охранник другого.

— Пока не введут дозу, — ответил второй. — Доктор сказал, что у него срыв. Они все срываются перед отправкой.

Отправкой? Куда?

Его привели в медицинский блок. Здесь было светлее. Пахло спиртом и лекарствами. За столом сидел человек в белом халате — не тот, что был в клинике. Этот был моложе, с усталыми глазами и вечным недосыпом.

— Новенький? — спросил врач, не поднимая головы от бумаг.

— Да. Из сектора «Тюрьма». Готовят к переводу.

Врач кивнул, встал и подошел к нему. Он проверил пульс, посветил фонариком в глаза. Мышцы заключенного напряглись. В голове промелькнула вспышка — как обезоружить врача, как сломать ему руку и использовать как заложника.

Он моргнул. И подавил рефлекс. Откуда это?

— Рефлексы отличные, — пробормотал врач, записывая что-то в карту. — Странно. После такой дозы... он должен был быть овощем неделю.

Он не понимал, о какой дозе идет речь. Он не понимал, почему его тело знает то, чего не знает он сам.

Пока врач отвлекся, он посмотрел на стол. Среди бумаг лежала папка. На ней была его фотография. Он не помнил, как его фотографировали. Но лицо на снимке было его. Жесткое, холодное, с пустым взглядом.

А под фотографией, красным штампом, было выведено одно слово:

ОСОБО ОПАСЕН.

Ниже, мелким шрифтом: «Склонен к немотивированной агрессии. Изъят из сектора "Тюрьма" по протоколу Н-10. Память стерта. К дальнейшему использованию не пригоден. Подлежит переводу в сектор "Дом"».

Он смотрел на эти буквы. «Особо опасен». Это было написано про него. Про человека, который не помнит, что он сделал. Про человека, который не знает, почему его тело готово убивать.

Врач вернулся, перехватил его взгляд, и быстро убрал папку в ящик стола.

— Не твое дело, — сказал он, но голос его дрогнул.

Его отвели обратно. В камере стало еще холоднее. Он сел на койку, уставившись в стену. Надпись «Они лгут» теперь казалась ему не просто царапиной, а предупреждением.

Утром его переведут в дом. Он не знал, что это значит. Но он знал, что его тело готово к этому. И от этого знания по спине пробегал холодок.

Он не помнил, кто он. Но он точно знал: он опасен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.